

СОПЕРНИКИ.

СОПЕРНИКИ.

ВВЕДЕНИЕ.

Диалогъ, находящійся въ сборникѣ Платоновыхъ сочиненій и носящій заглавіе *'Αντιρασταί*, въ вульгатныхъ кодексахъ надписывается просто *'Ερασταί*. Это заглавіе его удерживаетъ и Олимпіодоръ (Vit. Plat. p. 5, ed. Fisch.). Но первая надпись, сохраненная Діогеномъ Лаэртіемъ (II, 57. IX, 37), Θεοδοριτομъ (p. 672, ed. Sirmond.) и Прокломъ (in Euclid. p. 19), безъ сомнѣнія, вѣрнѣе; потому что здѣсь вводится состязаніе влюбленныхъ соперниковъ.

Это краткое сочиненіе написано языкомъ чистымъ, правильнымъ и изящнымъ; такъ что не представляетъ ни одной фразы, которая была бы недостойна языка Платонова или Ксенофонтова. Но содержаніе его изложено такъ вяло, нестройно и несходно съ діалектикою Платона, что оно никакъ не можетъ быть почитаемо сочиненіемъ подлиннымъ. Поэтому мы, вмѣстѣ съ Беккомъ, Шлейермахеромъ, Астомъ, Зохеромъ, Кнебелліемъ и Штальбомомъ, смѣло относимъ его къ числу сочиненій подложныхъ.

Разговоръ «Соперники» состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ въ одной доказывается, что философія не есть пріобрѣтеніе многихъ и разнородныхъ познаній, заимствованныхъ изъ области различныхъ наукъ, а въ другой говорится, что философіи надобно искать въ союзѣ справедливости и разсудительности, такъ какъ этимъ условливается и познаніе, и улучшеніе человѣческой природы на всѣхъ путяхъ ея жизни.

Никоторая изъ этихъ частей не раскрыта такъ, чтобы не оставалось ничего желать: есть въ нихъ мысли, требующія объясненія, — и онѣ не объяснены, онѣ тощи и походятъ на какую-то недоговорку; есть и такія, которыми обезображивается цѣлое, — и хотѣлось бы изгнать ихъ изъ діалога, или замѣнить другими, болѣе приличными. Читая первую часть, невольно припоминаешь взглядъ софистовъ, поставившихъ философію въ накопленіи множества разнородныхъ познаній и въ хвастливомъ высказываніи ихъ; а между тѣмъ о софистахъ въ діалогѣ и намека нѣтъ, и Сократова иронія не нашла здѣсь самой богатой для себя матеріи. Возможно ли, чтобы Платонъ ни однимъ словомъ не обличилъ тѣхъ самыхъ хвастуновъ, противъ которыхъ, судя по роду вопросовъ, направляемо было его сочиненіе? Правда, нѣкоторые, основываясь на словахъ Діогена Лаэртія (IX, 37), полагали, что этотъ діалогъ написанъ не противъ софистовъ, а противъ той партіи людей, которая, вмѣстѣ съ представителемъ своимъ, влюбленнымъ музыкантомъ, почитала корифеемъ мудрости Димокрита и поставляла философію въ многознаніи. Но читая самое сочиненіе, мы не находимъ въ немъ никакого повода къ такой догадкѣ, ни одного слова о Димокритѣ или его школѣ. Въ подлинныхъ Платоновыхъ діалогахъ преданность разговаривающихъ лицъ извѣстному философскому началу, или какой нибудь идеѣ, обыкновенно обличается ироніею Сократа; а здѣсь нѣтъ ничего подобнаго. Вторая часть разговора, если будемъ смотрѣть на нее со стороны философской, представится намъ еще слабѣе первой. Въ этой части писатель, чтобы имѣть право почитать философа добрымъ царемъ, добрымъ судьей, добрымъ отцомъ семейства, и во всѣхъ отношеніяхъ полезнымъ человѣкомъ, приписываетъ ему разсудительность и справедливость. Но, во-первыхъ, справедливость, которую онъ понимаетъ какъ добродѣтель, воздающую всякому свое, смѣшивается у него съ судейскимъ дѣломъ, что далеко несогласно съ ученіемъ Платона. Во-вторыхъ, разсудительность, по его мнѣнію, имѣетъ такую силу, что даетъ

намъ возможность познавать не себя только, но и другихъ, и такимъ образомъ помогаетъ намъ судить о нихъ; а это опять несогласно съ Платоновымъ понятіемъ о разсудительности. Самый же очевидный признакъ подложности этого сочиненія состоитъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, что писатель его всю философію направляетъ единственно къ матеріальной пользѣ, чего Платонъ не дѣлалъ и тогда еще, когда находился въ школѣ Сократа. О другихъ несогласіяхъ этого діалога съ ученіемъ Платона и духомъ его философіи говорятъ Шлейермахеръ, Астъ и Зохеръ. Принявъ во вниманіе какъ ихъ, такъ и наши замѣчанія, легко понять, почему даже Тразиллъ, критикъ очень снисходительный, пришелъ къ мысли о подложности «Соперниковъ». *Diog. Laert.* IX, 37.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЬ И СОПЕРНИКИ.

132. Вошелъ я въ школу грамматиста Діонисія ¹ и увидѣлъ тамъ, повидимому, благовоспитаннѣйшихъ изъ юношей, съ ихъ отцами и любителями ². Случилось, что въ то время два мальчика спорили между собою, а о чемъ,—я не довольно расслушалъ: казалось только, будто или объ Анаксагорѣ, или объ Инопидѣ ³. Они, замѣтно, описывали круги и, разводя руками, В. старались движеніемъ ихъ выразить какія-то наклоненія ⁴.

---

¹ У этого Діонисія, по свидѣтельству Діогена Лаэртія (III, 5) и другихъ, учился грамматикъ и Платонъ. По Олимпіодору, который признавалъ этотъ діалогъ подлиннымъ, Платонъ для того именно и избралъ сценою его школу Діонисіеву, *ἵνα μὴδὲ Διονύσιος ὁ διδάσκαλος ἄμοιρος εἴη τῆς παρὰ Πλάτωνι μνήμης*. Но нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы философъ нашъ оставилъ такой памятникъ своему учителю, — во-первыхъ потому, что этотъ разговоръ слишкомъ коротокъ, во-вторыхъ потому, что имя Діонисія упомянуто въ немъ какбы мимоходомъ, и ничто другое не относится къ его чести. А что Сократъ зашелъ въ его школу, — изъ этого ничего не слѣдуетъ; потому что онъ посѣщалъ разныя мѣста общественныхъ собраній.

² Это вступленіе въ разговоръ напоминаетъ о вступленіяхъ Лизиса и Хармида. Можно думать, что первое есть подражаніе послѣднимъ.

³ Объ Анаксагорѣ, философѣ іонійской школы, ученикѣ Анаксимена и учителя Перикла, Эврипида, а по нѣкоторымъ, и Сократа, говоритъ исторія философіи. Есть древнія свидѣтельства и объ Инопидѣ. Діодоръ сицилійскій, Эліанъ, Плутархъ, Секстъ Эмпирикъ, Стобей и другіе называютъ его Хиосцемъ, современникомъ Анаксагора, и говорятъ, что онъ путешествовалъ въ Египетъ, находился тамъ въ сношеніи съ жрецами и астрономами, и вывезъ оттуда множество свѣденій въ геометріи и астрономіи. *Aelian. Var. Hist. X, 6. Procl. in Eucl. p. 19, 75, 87.*

⁴ Они разсуждали, то-есть, о предметахъ астрономіи и руками изображали движеніе и наклоненіе небесныхъ тѣлъ, стараясь приблизиться къ возрѣ-

Тогда я—а мнѣ пришлось сидѣть подлѣ любителя одного изъ нихъ—толкнулъ его локтемъ и спросилъ: о чемъ эти мальчишки такъ серьезно разсуждаютъ? Видно, великъ и прекрасенъ предметъ, прибавилъ я, о которомъ идетъ у нихъ такая серьезная бесѣда.—Какой тамъ великій и прекрасный! отвѣчалъ онъ; говорить о небесныхъ явленіяхъ и вдаются въ философское пустословіе.—Удивившись его отвѣту, я сказалъ: молодой человѣкъ! развѣ стыдно, кажется тебѣ, философствовать? C. Иначе зачѣмъ говоришь съ такою досадою?—А другой—соперникъ его въ любви, по случаю, сидѣвшій близко, выслушавъ мой вопросъ и его отвѣтъ, примолвилъ: ты не думаешь о своей пользѣ, Сократъ, когда обращаешься съ вопросами къ такому человѣку, который философію почитаетъ дѣломъ постыднымъ. Неужели не знаешь, что всю свою жизнь провелъ онъ, сгибая шею ¹, наполняя брюхо и предаваясь сну. Посему что иное, думаешь, будетъ онъ отвѣчать тебѣ, какъ не то, что D. философія есть дѣло постыдное?—Этотъ любитель наставленъ былъ въ музыкѣ, а другой, котораго онъ порицалъ,—въ гимнастикѣ ². И мнѣ показалось, что другаго, котораго я спра-

---

ніямъ Анаксагора и Инопида. А что это были за наклоненія, видно изъ ученія, приписываемаго Діогеномъ Лаэртціемъ Анаксагору: «звѣзды сначала восходятъ куполообразно, такъ что на высотѣ земли всегда бываетъ видима полярная звѣзда. Потомъ онѣ принимаютъ движеніе наклонное.» Причину этого наклоненія Плутархъ (de plac. Philosoph. II, 8) объясняетъ такъ: «оно бываетъ или ἐκ τοῦ αὐτομάτου, или, можетъ быть, ὑπὸ προνοίας, ἵνα ἂ μὲν τινα ἀοικητὰ γίνηται, ἂ δὲ οἰκητὰ μέρη τοῦ κόσμου κατὰ φύσιν καὶ ἐκπύρωσιν καὶ εὐχρασίαν.

¹ Сгибая шею—τραχηλιζόμενος. Этотъ глаголъ, по всей вѣроятности, имѣлъ употребленіе проverbsальное и, кажется, значилъ то же, что у насъ—*гнуть шею*, то-есть всѣмъ кланяться, у всѣхъ заискивать милости и покровительства. Что это именно значеніе надобно соединить здѣсь съ словомъ *τραχηλιζόμενος*, видно изъ того, что далѣе (р. 134 В) противопоставляется ему ἀτριβῆ τὸν τράχηλον ἔχων, то-есть *человѣкъ, у котораго не терта шея*, или, какъ у насъ говорятъ, у кого *палка въ спинѣ*. Впрочемъ, употребленіе глагола *τραχηλιζόμενος* объяснили *Supper. Obs.* II, 12. *Faber. Agonist.* I, 11.

² Указаніе на воспитаніе соперниковъ сдѣлано здѣсь, конечно, не безъ цѣли. Извѣстно, что на музыку и гимнастику Платонъ смотрѣлъ, какъ на искусства противоположныя: музыка, по его мнѣнію, относилась къ образованію души, а гимнастика — къ развитію и укрѣпленію тѣла. *De Rep.* II, р. 246. *Legg.* X, р. 795. *Prot.* р. 326. Поэтому музыканты причислялись къ людямъ

шиваль, надобно оставить, потому что самъ онъ выдавалъ себя опытнымъ не въ словѣ, а въ дѣлѣ, и распросить перваго, того, который бралъ на себя роль человѣка мудрѣйшаго, чтобы, по

Е. возможности, получить отъ него пользу. Итакъ, я сказалъ, что вопросъ предложенъ былъ мною всѣмъ вообще; поэтому, если ты думаешь отвѣтить лучше, чѣмъ онъ, то я спрашиваю тебя о томъ же самомъ, о чемъ и его: — кажется ли тебѣ, или нѣтъ, что философствовать — дѣло прекрасное?

133. Едва только начали мы говорить, мальчики, услышавъ насъ, замолчали, прекратили свой споръ и стали насъ слушать. Что почувствовали при этомъ влюбленные, — не знаю: но я былъ пораженъ; потому что молодость и красота всегда почти ¹ поражаютъ меня. Казалось, впрочемъ, что и другой былъ подъ пытками не меньше моего, и потому весьма почтительно отвѣчалъ мнѣ. — Вѣдь еслибы, Сократъ, говорилъ онъ,
- В. и я думалъ, что философствовать стыдно, то не могъ бы назвать человѣкомъ ни себя, ни другаго, имѣющаго такое настроеніе, указавъ при этомъ на своего соперника и говоря громко, чтобы слышалъ его любимый имъ мальчикъ. — А я сказалъ ему: стало-быть, философствовать, по твоему мнѣнію, — хорошо? — И конечно, отвѣчалъ онъ. — Но что? спросилъ я: кажется ли тебѣ, что возможно знать, прекрасно или постыдно
- С. но какое-нибудь дѣло, не узнавъ напередъ, что такое оно? — Невозможно, сказалъ онъ. — Слѣдовательно, ты знаешь, при молвилъ я, что значить — философствовать? — И очень, отвѣчалъ онъ. — Что же это такое? спросилъ я. — Что иное, какъ не дѣло, указываемое Солономъ? Вѣдь Солонъ въ одномъ мѣстѣ говорить ¹:

Старѣю, многому во всѣ дни научаясь.

мыслящимъ и ученымъ, а гимнастики — къ практикамъ; тѣ — *περί λόγων ἐμπειροί*, а эти — *περί ἔργων*.

¹ *Всегда почти — ἄετι ποτε*. Такое именно значеніе получаютъ эти частицы въ соединеніи. *Eurip. Heracl. v. 330. Sophocl. Aias. v. 320. Herodot. I, 58. VII, 193.*

² Этотъ стихъ Солона приводится также въ Лахесѣ (р. 188 В) и въ Государствѣ (VII, р. 536 В).

И мнѣ кажется, что намѣревающійся философствовать, — молодъ ли онъ, или старъ, — всегда долженъ изучать что-нибудь одно, такъ чтобы знать въ жизни какъ можно болѣе. — Съ перваго раза я подумалъ, что эти слова нѣчто значать, и потому, нѣсколько поразмысливъ, спросилъ его: не считаешь ли ты философіи многознаніемъ? — А онъ въ отвѣтъ: и очень. — Но представляется ли тебѣ, спросилъ я опять, что философія есть дѣло только прекрасное, или и доброе? — И очень доброе, отвѣчалъ онъ. — А въ одной ли философіи усматриваешь эту особенность, или таковы и другія занятія? Напримѣръ, любовь къ гимнастикѣ считаешь ты расположеніемъ не только прекраснымъ, но и добрымъ, или нѣтъ? — Объ этомъ, сказалъ онъ очень иронически, — на-двое: для этого пусть будетъ сказано, говорить, что она — ни то ни сѣ; а для тебя, Сократъ, — почитаю ее дѣломъ прекраснымъ и добрымъ. — Но думаешь ли, что въ гимназіяхъ многотруженичество есть свидѣтельство любви къ гимнастикѣ? — Конечно, отвѣчалъ онъ; равно какъ и въ философствованіи многознаніе я почитаю любовью къ мудрости¹. — Потомъ я сказалъ: кажется ли тебѣ, что любители гимнастическихъ упражненій желаютъ чего-нибудь другаго, кромѣ того, что можетъ улучшить ихъ тѣло? — Этого, отвѣчалъ онъ. — А правда ли, спросилъ я, что большіе труды улучшаютъ тѣло? — Да какъ же небольшими-то трудами могъ бы кто улучшить его? — Тутъ мнѣ показалось, что любитель гимнастическихъ упражненій возбужденъ уже помогать мнѣ своею опытностію въ гимнастикѣ. Поэтому я спросилъ другаго: а ты-то что же молчишь у насъ, почтеннѣйшій, когда онъ говоритъ это? Не кажется ли и тебѣ, что люди улучшаютъ свои тѣла скорѣе большими трудами, чѣмъ умѣренными? — Я думалъ, Сократъ, какъ вообще говорятъ объ этомъ, отвѣчалъ онъ, и теперь знаю, что

¹ Сократъ сравниваетъ *φιλοσοφίαν* и *φιλογυμναστίαν*; потому что какъ первой свойственна *πολυμάθεια*, такъ послѣдней — *πολυπονία*. Но потомъ онъ доказываетъ, что *πολυπονία*, которую почитаютъ средствомъ для укрѣпленія тѣла, въ самомъ дѣлѣ не полезна тѣлу: а потому и *πολυμάθεια*, говорить, не полезна философіи.

- В улучшаютъ тѣло труды умѣренныя ¹; а почему?— вотъ тебѣ челоуѣкъ, отъ заботъ незнающій ни сна, ни пищи, ни гибкости въ шеѣ, ни полноты въ тѣлѣ.— Когда онъ сказалъ это, — мальчики выразили удовольствіе и засмѣялись, а тотъ покраснѣлъ. — Потомъ я сказалъ: что? ты уже соглашаешься, что и не большіе и не малые труды улучшаютъ челоуѣческое тѣло, а умѣренныя? Неужели хочешь пустить свое слово въ борьбу съ нами двумя?— А онъ въ отвѣтъ: поборотся съ этимъ мнѣ было бы пріятно, и я знаю, что могъ бы помочь сказанному мною положенію, хотя бы даже предложилъ я другое, еще слабѣе теперешняго; это ничего не значить: но съ тобою спорить противъ убѣжденія не имѣю надобности, и соглашаюсь, что благосостояніе челоуѣческому тѣлу доставляютъ труды не большіе, а умѣренныя.— А что пища? спросилъ я: когда она—
- D. вмѣру, или когда ея много?— Согласился и касательно пищи. Потомъ я заставлялъ его согласиться и во всемъ прочемъ относительно тѣла, что, то-есть, полезнѣе ему умѣренное, а не большое и не малое,— и онъ призналъ умѣренное. Что же теперь касательно души? спросилъ я: умѣренное ли полезно ей въ вещахъ предлагаемыхъ, или неумѣренное?— Умѣренное, отвѣчалъ онъ.— Но одно изъ вещей, предлагаемыхъ душѣ, не суть ли науки?— Согласился.— Стало-быть, и въ нау—
- E. какъ полезно умѣренное, а не многое?— Подтвердилъ.— Но кого спрашивая, спросили бы мы справедливо объ умѣренныхъ трудахъ и объ умѣренной пищѣ относительно тѣла?— Мы согласились всѣ трое, что врача и педотрива.— Кого опять о посѣвѣ сѣмянъ,— сколько ихъ нужно вмѣру?— И тутъ согласились, что земледѣльца.— Но о засаженіи души науками и о засѣваніи ея, кого спрашивая, спросили бы мы справедливо, — сколько и какихъ будетъ вмѣру?— Тутъ уже всѣ мы пришли
135. въ затрудненіе.— И вотъ я, шутя, спросилъ ихъ: хотите ли,—

¹ Это мнѣніе взято, кажется, у Иппократа, который, разсуждая о народныхъ болѣзняхъ (§ 6), говоритъ такъ: *πόνος, στία, κατά, ύπνος, ἀφροδίσια, πάντα μέτρια*. И это мнѣніе было, повидимому, очень распространено, какъ показываетъ прибавленная здѣсь формула: *τὸ λεγόμενον ὀκ τοῦτο*.

такъ какъ мы теперь въ недоумѣннн, —спросимъ этихъ мальчиковъ? Или, можетъ быть, намъ стыдно, какъ тѣмъ женихамъ, которые, по словамъ Омира ¹, не соглашались, чтобы кто другой натянулъ имъ лукъ.

Видя, что они моимъ вопросомъ приведены въ отчаянн, я попытался разсмотрѣть его иначе и сказалъ: какія особенно предполагаемъ мы науки, которыя долженъ изучать человекъ философствующн, если ему нужны не всѣ и не многн? — На этотъ вопросъ мудрѣншн отвѣчалъ: прекрасно было бы и прилично знать тѣ науки, съ которыми можно бы внести въ философию больше славы. Философн украшалась бы величайшею славою, еслибы казалась опытною во всѣхъ наукахъ, а не то, — по крайней мѣрѣ въ весьма многнхъ и особенно важнѣншихъ, изучая въ нихъ то, что изучать прилично людямъ свободнымъ, то-есть все, относящееся къ мыслящей силѣ, а не къ ручной работѣ ². — Такъ ли ты разумѣешь это, какъ бываетъ въ дѣлѣ строительномъ? Тамъ отличнаго плотника можно нанять за пять или за шесть минъ: а архитектора не наймешь и за десять тысячъ драхмъ; ихъ немного во всей Элладѣ. Не такое ли нѣчто говоришь ты? — Выслушавъ меня, онъ согласился, что и самъ такъ думаетъ. — Потомъ я спросилъ его: не невозможное ли дѣло — одному и тому же человеку изучить даже только двѣ науки, не говоря уже о многнхъ и важнѣншихъ? — Но ты не такъ понимай меня, Сократъ, примолвилъ онъ, какбы я говорилъ, что философствующему надобно владѣть каждою наукою, такъ чтобы, то-есть, въ извѣстной наукѣ былъ онъ мастеръ, но лишь сколь-

¹ См. *Odyss.* XXI, v. 285 sqq.

² Говорящн это имѣетъ въ виду различн искусствъ благородныхъ и низкихъ и колетъ своего соперника, полагающаго достоинство человека въ силѣ рукъ и въ ремесленническихъ упражненнхъ. Подъ искусствами благородными здѣсь разумѣются тѣ, которыми развивается разсудокъ и прнобрѣтается способность мыслить и говорить обо всемъ. Впрочемъ, это видно и изъ слѣдующаго далѣ примѣра τῶν τεκτόνων и τοῦ ἀρχιτέκτονος: строители, или плотники, какъ ремесленники, сравнительно съ архитекторомъ, котораго дѣль состоятъ въ сообразительности и развитн идеи, бываютъ дешевы.

ко прилично человѣку свободному и образованному, чтобы, слѣдуя за рѣчью мастера больше другихъ, могъ онъ присоединить и собственную мысль, и такимъ образомъ казался пріятнѣе и мудрѣе въ сравненіи съ тѣми, которые всегда присутствуютъ ¹ при разсужденіяхъ и дѣлахъ, имѣющихъ отношеніе къ извѣстнымъ наукамъ.—А я, такъ какъ все еще недоумѣвалъ, что хотѣлось ему выразить, сказалъ: Понимаю ли я, что разумѣешь ты подъ именемъ философа? Мнѣ кажется, ты говоришь, каковы на поприщѣ пентатлы ² въ сравненіи съ скороходами и борцами: тѣ хотя и отстаютъ ³ отъ этихъ въ обычныхъ имъ подвигахъ, и сравнительно съ ними занимаютъ вторую степень; за то первенствуютъ предъ прочими подвижниками и побѣждаютъ ихъ. Можетъ быть, такое что-нибудь, по твоему мнѣнію, дѣлаетъ и философствованіе въ тѣхъ людяхъ, которые преданы ему. Относительно разумѣнія,—

136. они въ наукахъ отстаютъ отъ первыхъ, но занимая второе мѣсто, одолеваятъ другихъ: такъ что человѣкъ философствующій бываетъ по всему подвысшимъ ⁴. Повидимому, на та-

¹ *Присутствуютъ, τῶν παρόντων*, — указывается на силы исполнительныя или рабочія.

² Собесѣдникъ Сократа подъ именемъ философа хочетъ понимать, очевидно, энциклопедиста, который знаетъ всѣ науки, не изучая ни одной до точности. Замѣтивъ это, Сократъ представляемаго имъ философа сравниваетъ съ пентатломъ, разсматриваемымъ относительно къ скороходамъ и борцамъ. А пентатломъ древніе Греки провозглашали такого подвижника на публичныхъ гимнастическихъ играхъ, который одерживалъ побѣду, или получилъ вѣнокъ во всѣхъ пяти родахъ принятыхъ тогда состязаній тѣлесной силы. Эти состязанія были: бѣганье, скаканье, бросанье диска (круглаго каменнаго кружка), метанье копья, борьба. Симонидъ (*Анθολ.* 1. 1, с. 1) всѣ эти роды гимнастическихъ подвиговъ высказалъ въ слѣдующемъ стихѣ:

Ἄλμυ, ποδωλείην, δίσκον, ἄκοντα, πάλην.

А Евстаѳій поставляетъ ихъ въ такомъ порядкѣ: *ἄλμυ, πάλην, δίσκουρι, ἀκόντιον καὶ δρόμον.*

³ Это мѣсто имѣлъ, кажется, въ виду Лонгинъ (*De sublim. sect.* 3, 4), сравнивая Ипериду съ Димосееномъ: *ἔστι γὰρ αὐτοῦ (Иперидѣ) πολυφωνότερος καὶ πλείους ἀρετὰς ἔχων καὶ σχεδὸν ὑπ᾿ακρος ἐν πᾶσιν, ὡς ὁ πεντάθλιος, ὡς τε τῶν μὲν πρώτων ἐν ἅπασιν τῶν ἄλλων ἀγωνιστῶν λείπεσθαι, πρωτεύειν δὲ τῶν ἰδιωτῶν.*

⁴ *Подвысшимъ*—*ὑπ᾿ακρόν τινα*, который, то-есть, уступаетъ только первому, или специалисту въ извѣстной наукѣ, и потому удерживаетъ за собою τὰ δευτέραια. Это слово, сколько можемъ помнить, у Платона нигдѣ не встрѣчается.

кое нѣчто указываешь ты. — А вѣдь хорошо, кажется мнѣ, Сократъ, составилъ ты понятіе о философѣ, уподобивъ его пентатлѣ ¹. Онъ въ самомъ дѣлѣ таковъ, что не поработщается никакому дѣлу и ни надъ чѣмъ не трудится до точности; такъ что этимъ однимъ хотя и отстаеъ отъ занятія всѣхъ другихъ, каковы, на примѣръ, мастера, однакожь вмѣру всего в. касается.

Послѣ этого отвѣта, я, желая ясно узнать, что онъ говорить, спросилъ его: людей добрыхъ полезными ли почитаетъ онъ, или бесполезными ²?—Конечно полезными, Сократъ, отвѣчалъ онъ.—Но правда ли, что если добрые полезны, то злые бесполезны?—Согласился.—Что жъ? философъ полезными ли почитаешь ты, или нѣтъ?—Онъ призналъ ихъ полезными; и даже весьма полезными, говоритъ, почитаю ихъ. — Давай с. же разузнаемъ, правду ли ты говоришь. Къ чему, намъ полезны эти подвышіе? Вѣдь явно, что философъ хуже каждаго изъ лицъ, владѣющихъ наукою.—Согласился.—Положимъ, сказалъ я, что либо самому тебѣ, либо кому изъ друзей твоихъ, о которыхъ имѣешь ты особенное попеченіе, случилось бы захворать: желая возстановить здоровье, того ли высокаго философа привелъ бы ты въ свой домъ, или взялъ бы врача?—Того и другаго, отвѣчалъ онъ. — Не говори мнѣ: того и другаго, примолвилъ я, но—кого особенно и прежде.—Въ томъ-то никто не будетъ сомнѣваться, что особенно и прежде—врача.— D.

¹ Древность многихъ ученыхъ людей называла пентатлами, когда видѣла, что они имѣютъ много свѣденій во всѣхъ родахъ наукъ. Такъ Діогенъ Лаэртій (IV, 37) говоритъ о Димокритѣ: ἦν γὰρ ὡς ἀληθῶς ἐν φιλοσοφίᾳ πένταθλος, ἡκετο γὰρ τὰ φυσικὰ καὶ τὰ ἡθικὰ, ἀλλὰ καὶ τὰ μαθηματικὰ καὶ τοὺς ἐγκυκλίους λόγους, καὶ περὶ τεχνῶν πασῶν εἶχεν ἐμπειρίαν. По той же причинѣ и Эратосеенъ киринейскій прозванъ былъ Βῆτα καὶ πένταθλος, потому что τὸ δευτερεύειν ἐν παντὶ εἶδει παιδίας τοῖς ἄκροις ἐγγίστατο. См. *Suid. h. v. Plat. Hipp. min. p. 368 sqq. Hipp. maj.*

² Когда собесѣдникъ Сократа опредѣлилъ философію такъ, что поставилъ ее въ обладаніи многими познаніями по всѣмъ наукамъ; тогда Сократъ начинаетъ доказывать, что ὑπακρος ἀνὴρ имѣетъ меньше значенія сравнительно съ специалистами по каждой наукѣ, и что, слѣдовательно, пока специалисты есть,—философы бесполезны. Такимъ образомъ прежнія положенія собесѣдника оказываются опровергнутыми.

А что? на застигнутомъ бурю кораблѣ кормчему ли ввѣрилъ бы ты себя и свое, или философу?—Кормчему.—Не такъ ли и во всемъ прочемъ,—пока есть какой-нибудь мастеръ,— философъ бесполезенъ? — Явно, сказалъ онъ. — Такъ нуженъ ли намъ теперь философъ? Вѣдь у насъ есть мастера, и мы согласились, что добрые полезны, а злые бесполезны.—Принужденъ былъ согласиться.—Что же? спрашивать ли тебя о томъ, что отсюда слѣдуетъ¹? Нельзя ли предложить вопросъ поглубже?—Спрашивай, о чемъ хочешь. — Не ищу ничего, кромѣ согласенія высказанныхъ положеній, примолвилъ я. Бесѣда шла такъ: мы согласились, что философія—дѣло прекрасное², что философы добры, и что добрые полезны, а злые бесполезны. Потомъ опять согласились, что философы, пока есть мастера, бесполезны; а мастера всегда есть. Не дано ли на это согласія?—Конечно, отвѣчалъ онъ.—Стало-быть, мы, какъ видно, согласились, по крайней мѣрѣ на твоёмъ основаніи, что если философствовать значитъ быть знатокомъ наукъ по тому способу, о какомъ ты говоришь; то философы, пока между людьми есть науки³, также злы (и бесполезны⁴). Но какъ бы не на-

¹ *Что же? спрашивать ли тебя о томъ, что отсюда слѣдуетъ?* Греческій текстъ читается такъ: *τί οὖν μετὰ τοῦτο ἐρωμαί σε;* то-есть, *о чемъ послѣ этого спроситъ тебя?* Но такой вопросъ представляется крайне нелѣпымъ. Какъ будто бы, то-есть, Сократъ недоумѣвалъ, о чемъ бы еще говорить, тогда какъ изъ вышесказаннаго явно слѣдовало, что философы не только бесполезны, но и злы; и выводъ этого слѣдствія могъ казаться дѣйствительно грубымъ или жесткимъ. Посему Стефанъ, мнѣ кажется, справедливо догадывается, что приведенный текстъ надобно читать такъ: *τί οὖν; τὸ μετὰ τοῦτο ἐρωμαί σε;* формула *τὸ μετὰ τοῦτο* въ такомъ смыслѣ употребляется и у Платона, Criton. p. 49 E. Euthyphr. p. 12 D. При этомъ изъясненіи, понятенъ будетъ и тонъ дальнѣйшей рѣчи: *не ищу ничего, кромѣ согласенія высказанныхъ положеній.*

² *Послѣ словъ: философія — дѣло прекрасное,* слѣдуетъ по-гречески: *καὶ αὐτοὶ φιλόσοφοι εἶναι.* Но это—явная вставка, даже искажающая конструкцію. Посему эти слова надобно почитать глоссею. Здѣсь дѣлается указаніе на стр. 133 D.

³ *Пока между людьми есть науки,* ἕως ἂν ἐν ἀνθρώποις τέχναι ᾖσιν. Гевзде правильно замѣчаетъ, что здѣсь, вмѣсто *τέχναι*, надобно читать *τεχνίται*; потому что бесполезность философовъ доказывается существованіемъ не наукъ, а старшинъ, большаковъ или мастеровъ въ наукахъ.

⁴ *И бесполезны*—*καὶ ἄχρηστοις.* Это слово здѣсь мнѣ кажется вовсе излиш-

шлось, что они не таковы другъ мой, и не открылось, что философовъ значить не то, что заниматься науками и, развлекаясь пытливостію, проводить жизнь въ корпѣннѣи и многознаніи, а нѣчто другое. Вѣдь мнѣ думалось, что люди, занимающіеся науками, составляютъ ненавистный классъ чернорабочихъ. В.

Мы яснѣе узнаемъ, правду ли я говорю, если ты отвѣтишь на слѣдующій вопросъ: кто умѣетъ правильно наказывать лошадей? тѣ ли, которые дѣлаютъ ихъ лучшими, или иные?— Которые дѣлаютъ лучшими.— Ну а собакъ—не улучшающіе ли С. ихъ умѣютъ правильно и наказывать?—Да.—Стало-быть,—та же наука какъ дѣлаетъ лучшими, такъ и правильно наказываетъ?—Полагаю, сказалъ онъ.—Что еще? та ли наука, которая дѣлаетъ лучшими и правильно наказываетъ,—эта ли самая различаетъ добрыхъ и худыхъ, или иная?—Эта самая, сказалъ онъ.—Но захочешь ли то же принять и относительно людей? Та ли наука, которая дѣлаетъ ихъ лучшими, эта ли самая D. и правильно наказываетъ и различаетъ добрыхъ отъ худыхъ?—Конечно, отвѣчалъ онъ.—И которая одного, та и многихъ, а которая многихъ, та и одного?—Да.—То же ли въ отношеніи къ лошадямъ и ко всѣмъ другимъ животнымъ?—Полагаю.—Какое же есть знаніе, правильно наказывающее въ городахъ людей развратныхъ и беззаконныхъ? не судебное ли?—Да.—А инымъ ли какимъ называешь и справедливость¹, или этимъ?—Не инымъ, а этимъ.—Но которымъ правильно наказываютъ, не тѣмъ же ли узнаютъ, кто добръ и кто золъ?— E. Тѣмъ.—И кто знаетъ одного, тотъ узнаетъ и многихъ?—Да.—А кто не знаетъ многихъ, тотъ не узнаетъ и одного?—Полагаю.—Поэтому, если лошадь не знаетъ добрыхъ и худыхъ

нимъ, какъ ни къ чему неслужащее повтореніе того, что сказано передъ этимъ: *τοὺς φιλοσόφους ὁμολογήσαμεν, ἕως ἄν δημιουργοὶ ᾖσιν, ἀχρήστους εἶναι.*

¹ Писатель здѣсь смѣшиваетъ науку судопроизводства съ справедливостію. Платонъ въ Горгіасѣ говоритъ не такъ. Наука судопроизводства опредѣляется формою законовъ; а справедливость имѣетъ въ виду самое существо ихъ и, основываясь на идеѣ истины и добра, стоитъ выше всякаго положительнаго закона.

- лошадей, то не знаетъ и себя, какова она?—Полагаю.—И если быкъ не знаетъ худыхъ и добрыхъ быковъ, то не знаетъ и себя, каковъ онъ ¹?—Да, сказалъ онъ.—То же, если и собака?—Согласился.—Что же, когда человѣкъ какой не знаетъ
138. добрыхъ и злыхъ людей, неужели не знаетъ и себя, добръ ли онъ, или золь, такъ какъ и самъ человѣкъ?—Уступилъ.— А не знать себя — разсудительнымъ ли значить быть, или неразсудительнымъ? — Нерассудительнымъ.— Слѣдовательно, знать самого себя—значить быть разсудительнымъ ²?—Полагаю, сказалъ онъ.— Это-то, видно, предписываетъ и дельфійская надпись, когда внушаетъ разсудительность и справедливость?—Вѣроятно.—Ею же умѣемъ мы и правильно наказывать ³?—Полагаю.—Но то, чѣмъ умѣемъ мы правильно
- В. наказывать, не есть ли справедливость, а то, чѣмъ различаемъ себя и другихъ, не есть ли разсудительность?—Вѣроятно, сказалъ онъ.— Стало-быть, справедливость и разсудительность—одно и то же.—Видимо.—Да вѣдь такъ-то и города благоденствуютъ, когда люди, поступающіе несправедливо, бываютъ наказываемы.—Ты правду говоришь, примолвилъ онъ.— Стало-быть, и политика — то же самое.— Подтвердилъ.— Что же? когда правильно устроится городъ однимъ человѣкомъ,—имя

¹ Нетрудно ни для кого замѣтить, какъ нелѣпо приводятся эти примѣры. У Платона, если берутся они и изъ низшей области предметовъ, то всегда какъ-то кстати, и приводятся со вкусомъ.

² Это самое опредѣленіе разсудительности читается въ Хармидѣ (р. 164 D. E) и въ Алкивиадѣ I-мъ (р. 124 A); писатель, вѣроятно, имѣлъ въ виду эти мѣста.

³ Этими словами начинается доказательство того, что для философа *πολιτεία* ненужна, а требуется только *σωφροσύνη* и *δικαιοσύνη*. Есть наука наказывать людей и дѣлать ихъ лучшими, говоритъ Сократъ, и эта наука называется *справедливостью*. Но справедливость должна соединяться съ познаниемъ себя и другихъ; а это познание себя есть *разсудительность*; слѣдовательно, разсудительность и справедливость — одно и то же. Потому, справедливость состоятъ въ сохраненіи правды при управленіи обществомъ и домомъ; а наука управлять обществомъ есть *политика*, наука же управлять домомъ называется *экономикою*; слѣдовательно, справедливость, политика и экономика опять—одно и то же. Но такъ какъ во всемъ этомъ философъ занимаетъ не второе, а первое мѣсто, то философія должна состоятъ не въ приобритеніи многоразличныхъ познаній, а только въ справедливости и разсудительности.

ему не тираннъ ли и царь?—Полагаю.—И не царскою ли и тиранскою наукою устрояетъ онъ?—Такъ.—Стало-быть, эти науки однѣ и тѣ же съ прежними?—Видимо.—Что же? когда одинъ С. человѣкъ правильно устрояетъ домъ, — какое имя ему, — не домоправитель ли и господинъ?—Да.—Справедливостью ли также и онъ благоустраиваетъ домъ, или иною какою наукою?—Справедливостью.—Стало-быть, царь, тираннъ, политикъ, домоправитель, господинъ, человѣкъ разсудительный, справедливый, какъ видно, — одно и то же; и наука царская, тиранническая, политическая, властительная, домоправительная, справедливость, разсудительность—наука одна.—Явно, что такъ, сказалъ онъ.—А не стыдно ли философу, когда врачъ говоритъ D. о больныхъ, не имѣть силы ни слѣдовать за нимъ, ни принимать участіе въ словахъ и дѣлахъ его, равно какъ и всякаго другаго мастера? Такимъ же образомъ, когда говоритъ судья, царь, или другой кто изъ тѣхъ, о которыхъ недавно разсуждали, не стыдно ли ему не мочь ни слѣдовать за ихъ рѣчами, ни приносить собственное слово о предметахъ ихъ бесѣды?—Какъ не стыдно, Сократъ, о такихъ-то важныхъ дѣлахъ не умѣть ничего промолвить съ своей стороны? — Такъ неужели и тутъ скажемъ мы, говорилъ я, что философъ долженъ быть E. пентатломъ, лицомъ подвысимъ, и занимая между всѣми второе мѣсто, въ то же время оставаться бесполезнымъ, пока есть кто-нибудь изъ тѣхъ? Во-первыхъ, онъ не можетъ ввѣрять свой домъ другому и имѣть въ немъ второе мѣсто; но надобно наказать его, чтобы онъ судилъ правильно, и тогда только домъ его будетъ хорошо управляемъ.—Онъ уступилъ мнѣ.—А если потомъ-то уже и друзья станутъ ввѣрять ему ходатайство ¹, и городъ велитъ разбирать общественныя дѣла либо судить; то 239.

¹ У Афинянъ было два рода ходатаевъ по дѣламъ, или адвокатовъ: одни избираемы были жребіями публично на годъ и потому ихъ называли κληρωτοῦς δικηγόροις; а другіе, о которыхъ здѣсь говорится, были κατ' ἐπιτροπὴν δικηγόροι. Къ этимъ обращались люди частные и ввѣряли веденіе тяжбныхъ своихъ дѣлъ. О тѣхъ и другихъ подробнѣе говоритъ *Буддей Comment. in lingu. Gr. p. 150.* Этотъ же вопросъ хорошо раскрытъ въ книгѣ *Гутвалькера über die öffentlichen u. Privatschiedsrichter in Athen.*

въ этомъ случаѣ, другъ мой, стыдно ему являться вторымъ или третьимъ, и не занимать перваго мѣста. — Мнѣ кажется. — Стало-быть, далеко намъ до того, почтеннѣйшій, чтобы философствованіе поставлять въ многознаніи и занятіяхъ науками.

Когда я сказалъ это, — тотъ мудрецъ, пристыженный вышесказанными разсужденіями, замолчалъ; а этотъ, неученый, подтвердилъ мои слова. Прочіе же похвалили все, что было говорено.

